

Алекса́ндр

От автора

Роман основан на реальных событиях. Девушка, доверившая мне свою историю, приняла решение скрыть настоящее имя. В тексте присутствуют выдержки из ее интервью, дневников и воспоминаний, которые подписаны просто NN.

Хочу предупредить, что роман не полностью автобиографичен. Я взял на себя смелость внести свое видение истории, добавив определенные сюжетные линии и персонажей, которые являются вымышленными или частично вымышленными.

NN: Мы все думаем, что мы особенные, что природа одарила нас чем-то важным, единственным и неповторимым.

Только когда вырастешь, очень быстро жизнь опускает тебя на землю. Так и случилось в моей истории.

Я всегда искала свою родную душу.

Это как ищешь те самые глаза в толпе.

И когда их видишь, вот оно, они...

Но у нас все было не так.

Совсем не так.

Пролог

2014 год, Санкт-Петербург

Иногда, очень редко, сны бывают невероятно реалистичными, светлыми, чистыми, невинными, удивительно живыми и настоящими. Сны, в которых хочется остаться навсегда. Именно такой сейчас видела Валерия Миронова. Она оказалась не в вымышленной реальности, не в волшебном мире грез и даже не в одной из своих потаенных фантазий. Память забросила ее в прошлое, до мелочей и подробностей воссоздав события двадцатилетней давности. Лера с улыбкой смотрела на шестилетнюю себя с красивой прической, с вплетенными в волосы украшениями, в длинном и совсем не детском атласном платье, в бордовых лакированных туфельках. Но самым модным аксессуаром ее наряда, конечно же, были перчатки — длинные, до локтей, кружевные, совсем как у настоящих артисток, которых она видела в питерском оперном театре на Галерной, куда любила ходить с мамой. Самая красивая девочка на утреннике, поводом которому послужил выпускной в детском саду. И самая талантливая, как шепотом сообщила ей музыкальный руководитель Марья Петровна во время утренней репетиции. Под аплодисменты собравшихся родителей и воспитателей маленькая Лера вышла в центр зала и под аккомпанемент фортепьяно начала петь.

Скорее всего от ребенка ее возраста ждали, что она исполнит детскую песенку вроде «Завтра в школу» или что-то в этом стиле, но Лера выбрала произведение сама, хотя, конечно, Марья Петровна тоже пыталась отговорить Леру, но девочка упрямо стояла на своем. Собравшиеся родители потрясенно застыли, когда шестилетняя малышка глубоким и красивым, бесконечно печальным голосом начала исполнять арию из оперы Бородина «Князь

Игорь», известную как «Плач Ярославны», но в несколько импровизированном, адаптированном к современному исполнению и в сокращенном варианте. Хотя сама маленькая Лера настаивала на полной версии, но по времени ее выступление не укладывалось в программу праздника и в контексте темы утренника ария о трагической судьбе князя была не совсем уместна. И все же вольная версия «Плача Ярославны» с заметно урезанным и доступным текстом, исполненная удивительно сильным детским голосом, затронула сердца всех присутствующих. Что может быть трогательнее и удивительнее, чем лицемерие собственными глазами настоящего таланта, рожденного здесь и сейчас?

Удивление, восхищение до дрожи, до мурашек, до замиранья сердца. Нянечки, воспитатели, музыкальный руководитель и остальные взрослые, включая изумленного оператора, который снимал праздник для выпускного альбома, не могли оторвать изумленных взглядов от сосредоточенного, богатого мимикой лица девочки, в порыве эмоций прижимающей к груди сжатые в кулачки пальчики.

Удивительно чистый детский голос, поющий о потере, несчастной любви с таким искренним надрывом, проник в сердце каждого, кто наблюдал за трагичной арией в исполнении маленькой Леры. У зрителей на глазах выступили слезы, когда, вскинув одну руку, девочка взяла высокую звенящую ноту, некоторые по-настоящему заплакали. Лера не обращала внимания. Она пела и жила в этот момент словами оперы, музыкой и чем-то еще, незнакомым, но болезненно сжимающим невинное сердечко грустью и тоской. А потом все закончилось, наступила тишина, и спустя пару секунд танцевальный зал взорвался аплодисментами. Среди собравшихся Лера отыскала глаза матери, полные слез и гордости, и улыбнулась, радуясь первому в своей жизни триумфу.

После праздника Марья Петровна попросила задержаться маму маленькой Леры. Они долго говорили о том, что девочке необходимо учиться, заниматься музыкой серьезно, у нее талант, и не только певческий, она еще очень артистична и пластична.

— Лариса Январевна, вашу Леру ждет успех и слава. Навероятно талантливая девочка, — не уставала хвалить любимицу Марья Петровна. — Но вы просто обязаны заниматься с ней. Лучшие педагоги...

— А оплатите Вы нам этих лучших педагогов? — не очень-то вежливо вставил Андрей Георгиевич Ярцев, отец Леры. Он как-то незаметно подошел, взял девочку за руку и строго взглянул на супругу. — Пойдем, мне на работу возвращаться надо. Отпросился на час. Сама знаешь, у меня не больно любят все эти отлучки по личным делам.

— Минуту, Андрей! — Женщина виновато улыбнулась Марье Петровне. — Извините, мы правда спешим. Спасибо большое вам за все. За Леру. За этот праздник. Я непременно устрою ее в какой-нибудь подходящий кружок.

— Здесь одного кружка будет мало. Тут талант от бога. Им заниматься надо, — разочарованно вздохнув, произнесла Марья Петровна и перевела взгляд на Леру, все еще светящуюся от своего недавнего успеха. — Пришлешь мне открытку с автографом, когда станешь знаменитой? Забудешь поди, да?

— Нет. Я пришлю, — рассмеявшись счастливым смехом, пообещала Валерия.

И не сдержала свое слово. Но на то были серьезные причины.
Знаменитой она так и не стала.

Но сейчас выросшая Лера видела сон, полный детских надежд, иллюзий и чистого восторга, вызванного удачным выступлением. Ее сердце переполнилось радостью, забилося сильно-сильно. Даже дышать стало больно. И эта боль внезапно распространилась по всему телу, сковав мышцы стальным капканом, отозвалась гулким монотонным звоном в ушах, который, набирая обороты, обрушился на нее раздирающей височные доли мигренью. Нет, она не хотела возвращаться, ее сознание все еще тянулось туда. В прошлое, где маленькая Лера была счастлива, но реальность немилосердно тянула обратно. В настоящее.

— Мама, — с губ сорвался стон, и яркий свет ударил новой волной боли по зрительным рецепторам, когда она попыталась открыть глаза. Не увидела, а почувствовала, как в основание локтя впиалась игла, впуская в вену спасительное обезболивающее, и почти сразу стало легче. Звон в ушах рассеялся, и теперь она слышала только механический писк аппаратуры.

— Валерия, откройте глаза, — попросил доброжелательный приятный мужской голос. Девушка повернула голову, и тут же

словно тысячи острых иголок впились в болезненно-пульсирующие виски. — Не бойтесь, мне нужно посмотреть ваши глаза.

Сделав над собой усилие, Лера расслабила веки, которые казались свинцовыми, приподнять ресницы удалось с трудом. Лицо казалось онемевшим, чужим. То же самое происходило с конечностями. Ватные руки и ноги, затекшие мышцы.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул мужчина в белом халате и с медицинской маской на лице. Посветив фонариком поочередно в глаза девушки, он небрежным жестом бросил его в карман, взял стул и сел рядом. — Готовы познакомиться?

Лера, неуверенно щурясь, оглядела стерильную просторную палату, заставленную аппаратурой, в то время как доктор пристально наблюдал за ней. Лицо девушки с правой стороны имело заметную синеватую отечность, глаз заплыл и открывался только наполовину. Сквозь тонкую стерильную больничную рубашку легко просматривались синяки на плечах и запястьях, ссадины на локтях. Ноги скрыты тонким одеялом, но и там ситуация ненамного лучше. Имелись и другие повреждения, которые выявились при более тщательном осмотре: черепно-мозговая травма средней тяжести, два сломанных ребра, вывих голеностопного сустава правой ноги, многочисленные ушибы.

— Меня зовут Сергей Владимирович. Я ваш лечащий врач, — представился доктор, и девушка едва заметно улыбнулась, но тут же болезненно поморщилась, так как губы у нее тоже были разбиты. — Вы хорошо меня видите?

Сергей Владимирович Никонов видел за свою практику много пациентов, нет, не так, — очень много пациентов. И как правило, перечень повреждений как у Валерии Мироновой встречался у определенной категории пострадавших — жертв автомобильных аварий. Однако судя по анамнезу, девушку привезли в домашнем халате после того, как нашли блуждающей по лесу. Случай нестандартный, и персонал, согласно инструкции, сразу после первичного осмотра оповестил полицию. За тридцать шесть часов, что пациентка провела без сознания, следователь приходил уже дважды, но каждый раз уходил ни с чем. Сам же врач не брался делать скоропалительные выводы и предположения до разговора с самой потерпевшей.

— Да, хорошо, — тихо произнесла девушка. Из уголка поврежденного глаза вытекла слеза. — Давно я здесь?

— Чуть больше суток. У вас сильное сотрясение. Постарайтесь не напрягаться и не делать лишних движений. Это ускорит процесс восстановления.

— Мне тяжело дышать.

— Сломанные ребра, — пояснил Сергей Владимирович. — Это тоже излечимо. Волноваться не о чем, Валерия.

— Вы так думаете? — тяжело вздохнув, с сарказмом спросила девушка. — Я могу встать? Мне нужно в туалет.

— Я позову медсестру чуть позже. Одной встать с кровати нежелательно. Сильное головокружение может вызвать потерю сознания, а новые травмы нам не нужны. Вы согласны?

— Да, не нужны. — Валерия опустила ресницы, приподнимая правую руку, чтобы поправить сбившееся одеяло. Четкие синие отпечатки от пальцев на бледной коже бросились в глаза доктору.

— Вы помните, как попали сюда?

— Нет, — покачала головой девушка, снова открывая глаза и пристально глядя в лицо доктора. — Вы хотите мне что-то сказать?

— Нет, спросить. Сегодня или завтра к вам придет следователь и зачитает свой перечень вопросов. Меня же интересуют только обстоятельства получения повреждений, — официальным тоном сообщил Сергей Владимирович.

— Зачем следователь? — нахмурилась Миронова, стискивая пальцами пододеяльник. Выражение ее лица стало растерянным и смущенным. — Не нужно никакого следователя.

— Вас привезли с серьезными травмами насильственного характера. Мы обязаны были сообщить.

— Кто привез? — испуганно спросила девушка.

Доктор потянулся за историей, которую положил на один из пищащих аппаратов.

— Вадим Казанцев, — прочитал Никонов. — Вам что-то говорит это имя?

Девушка выдохнула, заметно расслабляясь и явно испытывая облегчение.

— Да. Это друг моего мужа. Я... — Она запнулась, и на бледном лбу появилась морщинка. — Кажется, мы отдыхали в деревне у моей бабушки.

— Вадим Казанцев сообщил, что нашел вас в лесу без сознания. Вы помните, как там оказались?

— Нет... Я могу поговорить с ним? — быстро сменила тему девушка.

— Конечно, — согласно кивнул Никонов, задумчиво глядя на пациентку. Его опыт подсказывал, что она прекрасно помнит, что произошло, но не хочет об этом рассказывать, пока не сверит данные с другими участниками событий. — Как только он придет, его проводят в палату. Аппаратуру мы отключим и переведем вас из реанимации уже сегодня.

— Спасибо, — рассеянно кивнула девушка.

— Валерия, вы подверглись нападению? — задал прямой вопрос доктор.

— Нет. Возможно, я просто пошла в лес и упала, — витиевато ответила Миронова.

— И часто вы так падаете?

— Что вы хотите этим сказать? — ее взгляд стал настороженным.

— Это простой вопрос. Если вы и упали, то перед этим забрались на дерево. На самый верх. Потому что упасть с высоты своего роста и получить подобные травмы невозможно. В вашей крови был обнаружен алкоголь. Это была бытовая ссора?

— Я не обязана отвечать вам, доктор, — в приятном женском голосе появились металлические нотки. — Я хочу поговорить с Вадимом.

— А с мужем? — Никонов задал контрольный вопрос и заметил, как пациентка вздрогнула и сразу заметно напряглась, что не ускользнуло от его пронизательного взгляда. Доктор тяжело вздохнул, прежде чем продолжить. Для него ситуация предельно ясна. Очередная жертва бытового домашнего насилия. Типичное поведение для этой категории пациентов. — Он сейчас в коридоре, ждет, когда вас переведут в палату, где разрешены посещения. Ему уже сообщили, что вы пришли в сознание.

Валерия ничего не ответила на слова доктора, погрузившись в апатичное состояние. Конечно, она солгала про то, что сама пошла в лес и упала. Лера действительно не помнила, кто привез ее в больницу, как она вообще выбралась, но все остальное... То, что случилось до того, как она оказалась одна, с босыми ногами в тонком халатике в лесу, ей бы безумно хотелось забыть, но, увы, память не всегда дарит забвение, даже если нам это необходимо.

«И часто вы так падаете?» — в голове снова и снова звучал вопрос лечащего врача даже после того, как он ушел. Как же хочется набраться смелости и перестать лгать, защищать, замалчивать, брать ответственность на себя, искать причины в собственных словах и поступках, оправдывать того, кому нет оправдания. И бесконечно пытаться найти выход, подобрать правильный вариант поведения... Но ничего не получается. Все усилия напрасны. То, что он сделал, прощать нельзя. Невозможно. Пришло время принимать решение.

Достаточно терпеть и унижаться, ловить на себе сочувствующие взгляды медиков и друзей.

Через три часа ее перевели в частную палату с одной кроватью и телевизором, уютную настолько, насколько может быть уютной больничная палата.

Он зашел сразу, как вышла медсестра. И хотя часы посещения уже закончились, Лера знала, что он найдет способ обойти правила. Как обычно...

Ее взгляд заметил букет белых роз, фрукты и что-то еще... мало-важное, неинтересное. Она посмотрела в его лицо, уставшее, знакомое до мельчайших морщинок и родинок. Красивый, высокий, самоуверенный, успешный. Она знала, что такие мужчины редко надолго остаются одни. И в глубине души всегда этого боялась — оказаться в одиночестве в то время, как он быстро устроит свою судьбу с другой, которая точно так же будет искать оправдания, брать ответственность на себя... Он не изменился с момента их первой встречи. И никогда не изменится. Но может быть, пришло время измениться ей самой?

Почему так часто те, кого мы любим всем сердцем, те, кому мы готовы отдать свою жизнь, за кем готовы пойти на край света за улыбку, за нежное слово, просто за возможность быть рядом... становятся нашими самыми безжалостными мучителями?

— Мне нужен развод, Максим. И это не шутка. Я говорю абсолютно серьезно, — собрав всю ярость, на которую способна, заявила Валерия, твердо глядя в стальные глаза мужа.

— Опять угрозы, Лера? — снисходительно улыбаясь, мужчина прошел к тумбочке и поставил цветы в подготовленную вазу с водой. — Я сутки провел в этой вонючей больнице. Чуть с ума не сошел.

Ее взгляд скептически скользнул по наглаженной черной рубашке, обтягивающей широкие мускулистые плечи, и брюкам без единой складочки, по идеальной прическе и чисто выбритому мужественному лицу. Он лжет. Без сомнения, но то, что он действительно переживает, Лера знает. Иначе бы не простила его столько раз.

— Если бы не ты, меня бы здесь не было, — произнесла она, глядя на букет белых роз. Банальный выбор. На самом деле Лера любит лилии. Но ее муж не знает об этом. В его представлении об их идеальной семье — она любит только то, что любит он, и никак иначе.

— Я хочу развестись, Максим, — снова повторила Лера твердым голосом.

— Нет, — невозмутимо покачал головой он, выкладывая на тумбочку апельсины. — И насчет Италии — тоже нет.

— Ты слышишь меня, Макс? Я развожусь с тобой, — ее голос сорвался на крик. И, подняв голову, мужчина посмотрел на нее с абсолютным спокойствием и уверенностью.

— Это ты меня не слышишь. У нас все хорошо, Лера, — невозмутимо заявил он.

— Ты выбросил меня из машины во время движения, ударив кулаком в лицо. Это хорошо, по-твоему?

— Тебе не нужно было спорить со мной. — Ни один мускул не дрогнул на его лице, только желваки напряглись на четко очерченных скулах.

— Мы и сейчас спорим! Ударить снова? — вызывающе спросила Лера.

— Зачем ты утрируешь?

— Я? Я утрирую? Дай мне развод, или...

— Или? — приподняв одну бровь, переспросил мужчина.

— Или я тебя посажу. Я расскажу полиции правду. И про другие случаи тоже. Вадим все подтвердит. И Марина.

— Тебе нужно отдохнуть и успокоиться. Я приду, когда ты остынешь. Пожалуйста, будь благоразумна.

— Миронов, ты больной, — хрипло выдохнула Валерия, закрывая ладонями лицо.

— Да, но ты же знала об этом, когда выходила за меня замуж. Ты не разведешься со мной. Ни при каких условиях. Есть только

один вариант, но, так как мы оба молоды и хотим жить, он не подходит, — с иронией произнес мужчина.

— А если это случится, Макс? Если ты убьешь меня? — не отнимая рук от лица, убитым голосом спросила девушка.

— Я этого не допущу, Лера. У нас все получалось, ты сама видела результаты. Почти два года ни одного срыва. И только не говори, что я не старался, не делал для тебя все, что от меня зависело. Ты всегда винишь во всем меня. Я хочу только одного — чтобы ты слушала меня. И не спорила, не предлагала свои варианты, если я уже принял решение. Я хочу, чтобы мы были счастливы, и только я знаю, как это сделать. Тебе нужно просто довериться мне, — заявил Макс с уверенностью, которой остается только позавидовать. Но самое ужасное заключается не в том, что Валерии нечего ответить, а в том, что он действительно верит в то, что говорит.

— Отдыхай, любимая, — произнес он и, приблизившись, поцеловал ее в щеку, нежно потрепав по плечу. Лера застыла, неподвижно глядя перед собой. Все внутренние инстинкты встали на дыбы, сигнализируя о близости источника опасности и боли. — Я позвоню. Прошу тебя отвечать на звонки, иначе я приеду и узнаю, почему ты этого не делаешь. Договорились?

Лера не ответила, и тогда он снова поцеловал ее, но уже в макушку, и направился к двери.

— Дома без тебя пусто, — сказал он, скользя по ней нечитаемым взглядом, прежде чем выйти из палаты.

— У меня нет никакого дома, Макс. Есть только твой дом, твои правила, — шепотом произнесла она, обращаясь к закрытой двери и разглядывая синяки на своих запястьях.

С момента прихода в сознание и до сих пор Валерия так еще ни разу и не посмотрелась в зеркало. А зачем? Она и так знает, что там увидит. Отражение разбитых наивных мечтаний и несбывшихся надежд. Ходячее пособие, как превратить собственную жизнь в долбаное болото своими же руками. Только самобичевание — плохой помощник в решении проблемы.

Не она первая, не она последняя.

Возможно, предчувствие того, что в ее жизни не будет безоблачного счастья в объятиях принца в сияющих доспехах, появилось еще тогда, на детском утреннике, когда вместо радостных

ЛАМЕНТО

песен о лете шестилетняя девочка исполнила ламенто, заставив плакать всех, кто ее слушал.

Лежа в темноте поздней ночью, глядя на мигающий огонек пожарной сигнализации под потолком, Валерия давно уже не пыталась утешить себя тем, что завтра непременно станет лучше. Она знала наверняка — не будет.

